



Н. МИХАЛКОВ:

«ОН МАСТЕР

ТРЮКОВ И ПОЭТ»

*Моск. Кинематографический институт
1979. 28 дек*

В ПЕРВЫЕ я увидел Константина Григорьева в театре, и он заинтересовал меня чисто типажными данными. Казалось, он просто создан для роли капитана Федотова в фильме «Раба любви». Но вернее сказать, что сущность его артистической природы составляет острая, подвижная характерность плюс фантастическая работоспособность.

Как персонаж капитан Федотов находился в фильме в довольно неудобном для актера положении. Все остальные герои так или иначе противостояли ему. Поэтому у Григорьева была еще одна задача — найти язык с партнерами. И надо сказать, что Костя проявил себя с самой лучшей стороны. Он никогда не «тянул одеяло на себя», всегда очень точно ощущал границы той или иной сцены. И свое место в ней, предоставляя партнерам полную свободу действий даже в выигрышные для себя моменты.

НЕМАЛОВАЖНО еще одно обстоятельство. В «Рабе любви» очень много трюков, и выяснилось, что Григорьев — неистощимый выдумщик такого рода упражнений и большой мастер их исполнения. При этом он не просто органичен: в трюках у него нет «показывания» как такового.

Григорьев очень тонко чувствует пластику характера и любому сюжетному ходу, любому режиссерскому предложению находит мгновенное внутреннее оправдание и точные психологические повороты. Это настоящий актер русской театраль-

ной школы переживания, и если он загорается (а это практически происходит на каждом дубле), то работает с полной самоотдачей.

Эльдар Уразбаев, который снимал «Транссибирский экспресс», рассказывал мне, как Григорьев помог ему в работе над картиной. Он играл роль белогвардейского контрразведчика Шнайдера.

Однажды, когда готовилась очередная сцена и начиналась репетиция, Костя неожиданно произнес со шнайдеровской интонацией разочарованности и сарказма: «Азия. А-зи-я». Всего одно слово, а за ним открылся целый пласт противоречий и трагической жизни. Всего одно слово...

Долго искали, как, чем закончить «карьеру» Шнайдера, когда он уже потерпел поражение. Константин попросил стакан чаю и стал просто пить его, отрешенный, усталый, еще не остывший от смертельной схватки. Так его и сняли — на полпути к осознанию героем своего поражения.

ДУМАЮ, что Григорьевева ждет большое будущее. Он постоянно движется вперед и как актер, и как человек. Уже в «Транссибирском экспрессе» была видна более высокая ступень мастерства, а небольшая роль геолога в «Сибириаде» сыграна им просто великолепно. В ней все строится на едином внутреннем психологическом стержне без злоупотреблений выигрышной внешней фактурой, все цельно и закончено. Это актер, о котором всегда мечтают режиссеры, и я, в частности.